

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1'282.4(476) + 811.161.1.37

КОНКУРЕНЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ В РУССКОЙ РЕЧИ БЕЛОРУСОВ
(ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТА)¹

канд. филол. наук, доц. **О.С. ГОРИЦКАЯ**
(Минский государственный лингвистический университет)
goritskaya@gmail.com

Цель работы – выявить закономерности в функционировании лексических вариантов в белорусской разновидности русского языка. Материалом послужили ответы около 1350 респондентов на онлайн-опрос, касающийся номинаций для 20 объектов и других феноменов. Количественный анализ показал, что удельный вес вариантов, характерных для Беларуси, в ономаσιологических профилях значительно различается: одни белорусизмы – это основные средства номинации объектов (т.н. сильные варианты), а другие упоминаются небольшим количеством опрошенных (т.н. слабые варианты). Установлено, что, несмотря на территориальную гомогенность исследуемого идиома, ряд вариантов имеют ограничения на место употребления. Сопоставление данных по респондентам, относящимся к различным возрастным группам, демонстрирует изменения в употреблении лексических вариантов. Качественное исследование комментариев, где в эксплицитной форме представлены мнения носителей о влиянии возраста, места жительства, стиля и других факторов на функционирование вариантов, подтверждает и дополняет количественный анализ. Показано, что социолингвистический опрос – это не только источник данных для анализа, но и способ взаимодействия исследователя и общества.

Ключевые слова: лексическая вариативность, конкуренция вариантов, белорусская разновидность русского языка, социолингвистический опрос, социолингвистическое анкетирование.

Введение. Русский язык в Беларуси имеет особенности на всех уровнях языковой структуры, и особенно много специфических характеристик наблюдается в лексике [1; 2; 3 и др.]. При этом речевая продукция белорусов далека от единообразия: то, что для одного человека – неотъемлемая часть языкового существования, для другого может быть словом из пассивного словарного запаса, да и в одни и те же слова люди могут вкладывать разные смыслы. Например, одни жители Беларуси употребляют слова *поречка* и *шуфлядка*, а другие предпочитают такие универсальные номинации, как *(красная) смородина* или *(выдвижной) ящик*; словом *пасха* часто называют творожный десерт, но иногда – выпечку (синоним – *кулич*). В коммуникации территориально маркированные варианты конкурируют с «универсальными», заимствования (из белорусского, английского и других языков) – с исконными словами, частотные единицы – с редкими и т.п., что демонстрирует пеструю картину лексической вариативности. Так, лексема *байка*, характерная для белорусского русского, «соревнуется» с ее более универсальным аналогом *толстовка*, более общим обозначением *кофта*, новыми заимствованиями типа *худи* и другими словами. Приведем для иллюстрации несколько высказываний носителей белорусского русского, комментирующих свой выбор названий объекта:

- (1) *Знаю, что слово «байка» из белорусского языка, а в русском более распространено слово «толстовка».*
- (2) *Под «худи» я понимаю именно такую одежду, но сама крайне редко употребляю это слово.*
- (3) *Напридумывали всяких худи... обычная кофта.*

Насколько часто носители белорусской разновидности русского языка выбирают белорусизмы для номинации объектов действительности? Какие варианты в этой конкурентной борьбе относятся к «сильным», а какие – к «слабым»? Влияет ли возрастной и региональный факторы на конкуренцию вариантов в исследуемом идиоме? Ответы на данные вопросы мы дадим в этой статье.

Методика исследования. Опросники активно используются при анализе территориальной вариативности, причем не только в традиционной диалектологии, но и в социолингвистике [4]. Однако необходимо понимать, что, в отличие от корпусов текстов и других источников естественной речевой продукции носителей, опросники позволяют исследовать не факты языка как таковые, а то, как их воспринимают и / или представляют исследователю носители языка: реальное употребление тех же людей может отличаться от описываемого [5, p. 102].

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект Г18М-062). Автор статьи благодарит А. Н. Чударь за помощь в обработке экспериментальных данных.

В рамках настоящего исследования разработан опросник, направленный на изучение вариативности в сфере бытовой лексики. Основную часть опросника составляют задания, где респонденты должны назвать объекты, представленные на картинках (в большинстве случаев вопрос сформулирован следующим образом: *как вы назовете этот предмет?*), см. описание подобных опросов в [6], а также проект, направленный на изучение вариативности в английском языке [7]. Респондентам были предложены варианты ответов, задающие интересующий нас уровень категоризации, кроме того, у испытуемых была возможность написать любой ответ в графе «Другое». После каждого вопроса предусмотрено поле для комментариев, где респонденты по желанию отмечали ограничения на выбор вариантов или другие сведения.

Опросник распространялся через интернет. На текущий момент получено около 1350 ответов (1206 респондентов живут в Беларуси, 90 – в России, остальные в других странах). Чтобы убедиться в том, что варианты являются специфическими для белорусского русского, мы сформировали контрольную группу, состоящую из коренных россиян (53 человека). Сопоставление выборок показало, что обсуждаемые в работе варианты действительно являются характерными для белорусской разновидности русского языка, при этом функционирование некоторых единиц не ограничивается только Беларусью, но здесь их доля среди ряда вариантов больше ожидаемой.

Необходимо отметить, что наша выборка не является сбалансированной ни по территориальному (минчан больше, чем жителей других регионов), ни по возрастному (41,14% родились в период с 1990 по 1999 гг., 40,10% – в 2000 г. и позже), ни по гендерному признаку (79,24 % респондентов женского пола). Во многом это обусловлено тем, что основная категория опрошенных – это студенты различных вузов Минска и других городов Беларуси, при этом многие из респондентов получают филологическое (лингвистическое) образование. Чтобы компенсировать этот недостаток, мы разбивали выборку на сегменты (по возрасту, местоположению, полу) и сопоставляли удельный вес вариантов в каждом из сегментов. Что касается пола, то влияние этого фактора на функционирование языковых единиц оказалось незначительным, поэтому мы не будем затрагивать гендерный аспект языковой вариативности в данной статье.

В ходе экспериментального исследования мы построили ономаσιологические профили для 20 понятий. В ономаσιологические профили входят слова и неоднословные номинации для обозначения объекта действительности (сюда могут включаться не только синонимы, но и слова, связанные гиперогипонимическими отношениями) [8, р. 832]. Большинство лексических единиц в анкете относится к бытовой предметной лексике. Некоторые вопросы в опроснике нуждаются в комментариях. Так, поскольку слово *шлейка* конкурирует как с *бретелькой*, так и с *лямкой*, были сконструированы два вопроса для номинации различных объектов. Кроме того, в анкету было включено задание на определение значения наречного выражения *в гору*, которое понимается по-разному.

Подробное обсуждение семантики лексических вариантов, входящих в ономаσιологические профили, не входит в задачи данной работы. О сложностях семантического описания бытовой лексики, см., например, в [6; 8; 10]. Впрочем, некоторые респонденты в комментариях охотно делились своими соображениями о значениях слов, что может стать темой для дальнейшего исследования:

(4) *Гулька – это упрощенный пучок, повседневная версия, просто закрученные в тугую жгут волосы, перевязанные резинкой. Это пучок, потому что он аккуратный, и в причёске использованы «вспомогательные элементы», например, начес, твистер или «бублик», шпильки.*

(5) *Джинсовая рубашка от джинсовой куртки отличаются по крою. Притом и то, и то может быть джинсовкой или джутом (сам редко называю, но часто слышу).*

(6) *Студень – русский прообраз, холодец на свинине, заливное – с добавлением овощей.*

(7) *Но разница между закаткой и закруткой есть: закатка – то, что закатывается машинкой, закрутка – это как банка с резьбой.*

«Сильные» и «слабые» варианты. Исследование показало, что количество вариантов в ономаσιологическом профиле варьируется – от 4 (*поречка, красная смородина, смородина* и одно окказиональное употребление слова *клюква*) до 24 (*ватник, ватовка, телогрейка, фуфайка, куртка* и другие единицы, в частности различные экспрессивные обозначения: *страшненький пуховик, бомжекуртка, бомжатка* и т.п.). Как правило, в профиле выделяется несколько наиболее частотных вариантов и «хвост», иногда достаточно длинный, из более редких единиц, при этом количество ядерных номинаций достаточно стабильно (2–4 единицы), а количественные различия между профилями наблюдаются на периферии, куда, как правило, относится лексика ограниченного употребления и окказионализмы.

Кроме того, мы определили удельный вес вариантов, специфических для белорусского русского, в ономаσιологическом профиле. Доля вариантов, характерных для страны, колеблется от 0,93% (*берик/бэрак/бэрки* ‘детская игра’) до 84,17% (*закатки* ‘консервированные овощи и другие продукты на зиму’) (медиана – 29,48%). Это указывает на то, что лексические единицы, характерные для белорусского русского, обладают разным «весом»: одни варианты являются основным способом обозначения объектов действительности, в то время как другие используются лишь эпизодически.

К самым «сильным» белорусизмам, чей удельный вес в профиле превышает 50 %, относятся также *форточка* ‘промежуток в расписании’ (82,04%), *чернак* (70,30%), *шуфлядка* и *шуфляда* ‘выдвижной ящик’ (суммарный удельный вес – 56,45%). Превышают медианное значение также такие варианты, как *сосульки* ‘леденцы’ (49,46%), *гулька* ‘вид прически’ (48,81%), *гольф* и *гольфик* ‘вид одежды’ (доля обоих вариантов – 46,84%), *шлейка* (43,04% в профиле, где его основной конкурент – *лямка*, при соперничестве с вариантом *бретелька* удельный вес *шлейки* соответствует медиане – 29,48%), *секция* ‘вид мебели’ (40,30%), *поречка* / *паречка* ‘красная смородина’ (40,27%), *байка* ‘вид одежды’ (36,15%).

Сравнительно малая доля у следующих вариантов: названий кулича *пасха* и *паска* (20,80% у двух вариантов), номинаций *штроксы*, *штруксы*, *штроксовые штаны* (суммарно 19,27%), *холодное* ‘холодец’ (14,58%), *шилда* (13,13%), *джут*, *джуда*, *джудовка* (12,96%), *головка капусты* (4,30%), *ватовка* ‘ватник, телогрейка’ (1,53%). Закономерно, что редко упоминаются многие названия детской игры, характеризующиеся большим разнообразием: *кич* – 8,98%, *квач* – 2,56%, *берик* / *бэрак* / *бэрки* – 0,93%. Такие белорусизмы можно назвать «слабыми».

Региональные особенности функционирования вариантов. Наше исследование позволило уточнить данные о региональной вариативности в рамках национальной: установлены единицы, общие для всей Беларуси и специфические для конкретной области (по предварительным сведениям, таких единиц немного). Сравнение ономаσιологических профилей коренных и всех жителей населенного пункта демонстрирует, как миграции влияют на языковой портрет современного города. Особенно показательным является профиль Минска (рисунок 1). Поэтому для выявления региональной вариативности внутри национальной анализировались данные не по текущему местоположению респондентов, а по населенному пункту, в котором они жили в детстве.

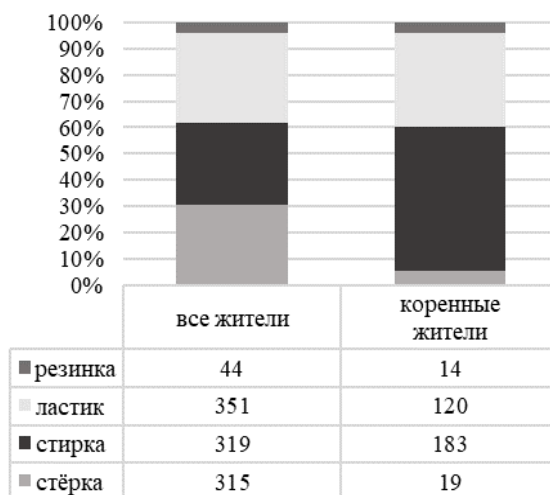

Рисунок 1. – Соотношение вариантов *стёрка*, *стирка*, *ластик* и *резинка* в двух выборках по г. Минску: лица, проживающие в городе в настоящее время / люди, которые провели здесь детство

Наиболее существенные различия между городами заключаются в распределении вариантов *стёрка* / *стирка*, поэтому далее мы будем говорить только о них. В результате исследования мы уточнили, в каких городах Беларуси превалирует вариант *стёрка* (слово фиксируется в словарях русского языка как разговорное) или *стирка* (вариант, отсутствующий в словарях русского языка). Вариант *стирка* встречается главным образом в центральной Беларуси – в Минске, Борисове, Жодино, Светлогорске, а также Мозыре. В других городах превалирует вариант *стёрка*. Конечно, мы не были первыми, кто установил особенности территориального распределения варианта *стирка*. На форуме «Языки русских городов» статус данной единицы обозначается следующим образом – «регионально разговорное; близкое к нормативному (в Минске и окрестностях)» [11]. Кроме того, единица активно обсуждается на форумах, в блогах и т.п. См. также несколько комментариев из нашего опроса:

(8) *Ластиком я назыву из уважения к окружающим коренным минчанам, а всех остальных я попрошу подать стёрку.*

(9) *Чтобы избежать споров говорю «ластик».*

(10) *О, гэта вечная спрэчка!*

(11) *Маё любімае слова для вызначэння, з якой ты вобласці :)*

Значительная вариативность закономерно наблюдается в названиях детских игр [12]: в нашем случае в ономаσιологическом профиле для игры, в которой водящий должен догнать и коснуться игрока,

представлено 18 слов. В результате исследования мы установили, что во всех городах Беларуси доминирует вариант *догонялки*, достаточно универсальными являются и названия *пятнашки*, *салки*, *салочки*. Однако в некоторых городах встречаются и локально специфические лексемы:

- *квач* – Витебск, Гомель, Минск;
- *кич* – Бобруйск, Брест, Гомель, Минск, Мозырь, Речица;
- *бэрак/бэрик/бэрки* – Брест, Барановичи, Лида.

Кроме того, в выборке эпизодически встречаются и другие слова, например, *вада*, *дюк*, *пота*, *кэн*, *сифа*.

В целом белорусский русский является достаточно гомогенным в территориальном отношении. Это можно объяснить тем, что связь данного идиома с белорусским диалектным субстратом не является прямой: в роли посредника выступает смешанная речь, где диалектные различия более значительны. Кроме того, развитая региональная вариативность внутри территориальной часто обусловлена геополитическими факторами – в частности, существованием на протяжении длительного времени в прошлом различных государственных образований в границах современной страны [13, р. 20], что вряд ли применимо к белорусской ситуации.

Возрастные особенности функционирования вариантов. Согласно У. Лабову, информацию о языковых изменениях можно получить в результате наблюдения за последовательными поколениями людей [14], см. также [15]. Чтобы обнаружить тенденции в изменении удельного веса лексических вариантов с течением времени мы отобрали достаточно употребительные единицы без очевидной специфики в территориальном распределении (варианты *ватовка*, *головка капусты*, *бэрак /бэрки*, *квач / кич*, *стирка* и т.п. были исключены из выборки).

Сравнительно небольшое количество респондентов в возрастных группах до 1970 и 1970–1979 годов рождения, а также тот факт, что большинство опрошенных в возрастной группе 1980–1989 – люди с высшим образованием, не позволяет детально проанализировать влияние образования на выбор вариантов. Однако мы полагаем, что на функционирование бытовой лексики этот параметр воздействует не так сильно. Так, к примеру, в работах В.И. Беликова показано, что регионализмы широко используются носителями языка, относящимися к различным социальным группам, в т.ч. представителями элиты, составляющими словари, журналистами и т.п. [16; 17].

Особый случай в нашей выборке – это наречное выражение *под гору*, которое в российском русском имеет значение ‘вниз’, однако в Беларуси под влиянием белорусского языка оно достаточно часто используется в значении ‘вверх’ [18; 19, с. 236]: возможно, более низкий удельный вес значения ‘вверх’ в старшей возрастной группе (рисунок 2) связан с более высоким уровнем знания кодифицированных норм русского литературного языка, см. показательный комментарий респондента:

(12) *Я так думаю вверх, но знаю, что вниз.*

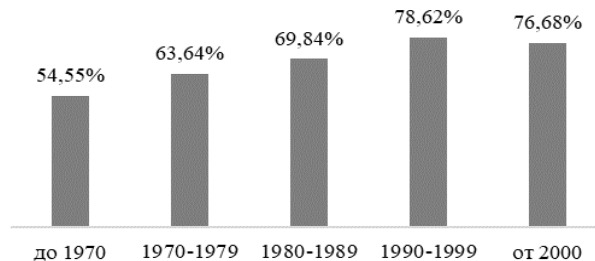

Рисунок 2. – Процент респондентов, отметивших, что *под гору* обозначает ‘вверх’, в различных возрастных группах (по году рождения)

Впрочем, подобное отношение к выбору варианта при заполнении опросника характерно и для представителей других возрастных групп и касается различных лексических единиц:

(13) *Подозреваю, что мой ответ неверен, но именно так я слышала всегда* (о варианте *итруксы*).

(14) *Знаю, что это неверный вариант* (о слове *стирка*).

Анализ показал, что у трех регионализмов с наибольшим удельным весом в профиле (более 75%: *закатки*, *форточка*, *черпак*) наблюдается увеличение частотности вариантов с возрастом респондента. И наоборот, незначительный удельный вес слов (до 15% у вариантов *джут*, *итроксы*, *холодное*) – это следствие того, что единицы постепенно теряют свою популярность. В функционировании вариантов со средними показателями есть различные сценарии (таблица 1). Таким образом, в сфере бытовой лексики нет единой тенденции к увеличению или уменьшению удельного веса единиц, характерных для Беларуси, в ономаσιологическом профиле: изучаемый идиом является сложной системой, которая развивается под влиянием разнообразных факторов.

Снижение удельного веса регионализма с уменьшением возраста испытуемых, как правило, сопровождается увеличением процента более универсальных лексем. Так, с падением процента варианта *итроксы* растет популярность описательного обозначения *вельветовые брюки / штаны* (рисунок 3).

Таблица 1. – Изменение удельного веса белорусизмов с возрастом респондентов

Вариант	Возрастные группы (по году рождения)				
	до 1970	1970–1979	1980–1989	1990–1999	от 2000
<i>закатки</i>	66,67 %	67,31 %	75,68 %	85,17 %	85,33 %
<i>форточка</i> (о занятиях)	79,17 %	82,61 %	76,12 %	81,66 %	83,91 %
<i>черпак</i>	55,56 %	58,93 %	64,63 %	67,81 %	76,11 %
<i>пасха</i> ‘кулич’	64,29 %	60,71 %	62,75 %	67,56 %	68,52 %
<i>шлейка</i> (vs. <i>бретелька</i>)	73,91 %	73,47 %	73,43 %	65,15 %	62,37 %
<i>шуфлядка</i>	43,33 %	45,45 %	45,24 %	52,34 %	57,10 %
<i>сосульки</i> ‘леденцы’	25,00 %	32,08 %	49,03 %	50,99 %	51,64 %
<i>гулька</i> ‘вид прически’	56,52 %	63,64 %	57,04 %	45,45 %	48,57 %
<i>секция</i> ‘вид мебели’	36,00 %	35,29 %	33,81 %	37,21 %	45,52 %
<i>гольф, гольфик</i> ‘вид одежды’	58,62 %	47,37 %	52,98 %	47,40 %	44,31 %
<i>шлейка</i> (vs. <i>лямка</i>)	60,87 %	43,75 %	46,04 %	43,21 %	41,28 %
<i>поречка / паречка</i>	31,82 %	36,00 %	38,51 %	42,62 %	38,76 %
<i>байка</i> ‘вид одежды’	29,17 %	38,33 %	41,46 %	36,43 %	31,15 %
<i>холодное</i> ‘холодец’	39,39 %	23,53 %	20,55 %	12,01 %	13,85 %
<i>штроксы</i>	62,50 %	46,30 %	26,71 %	16,67 %	13,52 %
<i>джут</i> ‘вид одежды’	16,67 %	28,30 %	17,31 %	9,04 %	13,09 %
<i>шильда</i>	25,00 %	19,64 %	23,18 %	13,80 %	8,71 %

В некоторых случаях наблюдаются обратные процессы: частотность белорусизма постепенно растет, что приводит к уменьшению удельного веса обозначений, не имеющих территориальную привязку. Рисунок 4, например, иллюстрирует некоторое увеличение удельного веса одного из наиболее известных маркеров белорусской разновидности русского языка² – лексемы *шуфлядка* (при этом процент изначально менее частотного варианта *шуфляда* уменьшается).

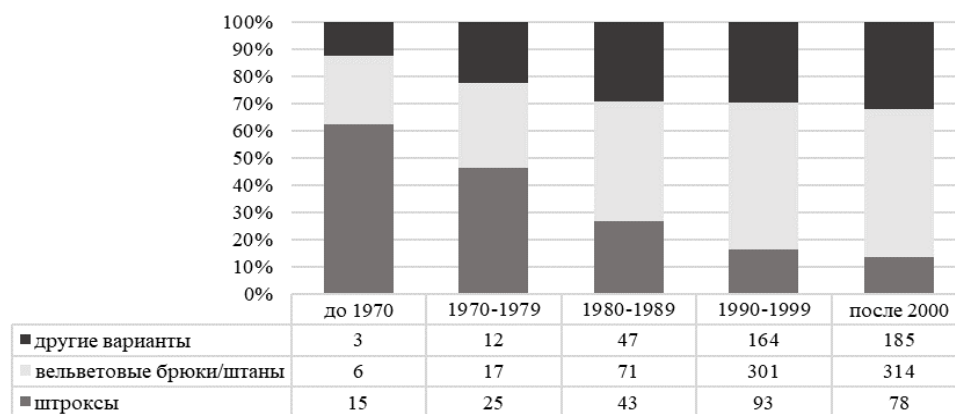

Рисунок 3. – Изменение удельного веса вариантов *штроксы* и *вельветовые брюки / штаны* с уменьшением возраста респондентов

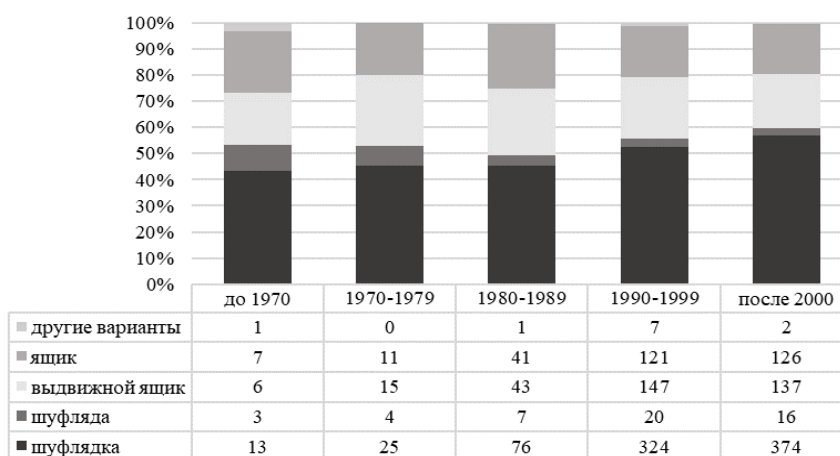

Рисунок 4. – Изменение удельного веса вариантов *шуфляда* и *шуфлядка* с возрастом респондентов

² Один из респондентов оставил следующий комментарий ко всей анкете: *йее, шуфлядка!*

Метаязыковое сознание носителей языка в зеркале комментариев. Качественный анализ комментариев к опроснику дополняет результаты количественного исследования и позволяет изучать метаязыковое сознание носителей языка – «набор более или менее осознанных представлений рядовых носителей языка в его разных проявлениях» [20, с. 5]. Так, в комментариях содержатся указания на влияние возраста на употребление языковых единиц:

(15) *Очень интересно, все слова слышала. Думаю, моя бабуля 1945 г. р. ответила бы совсем по-другому.*

Кроме того, метаязыковые комментарии подтверждают количественные данные, например, о тенденции к устареванию некоторых вариантов. Примеры комментариев о слове *штроксы*:

(16) *Слово «штроксы» знаю хорошо, но сейчас не слышу. В моем детстве называли только так. Могла бы использовать вариант – «как штроксы раньше были».*

(17) *Давно не употребляла, воспоминания из детства.*

(18) *Когда говорю «штроксы», никто не понимает, и приходится объяснять, что это.*

Приведем также несколько комментариев к слову *джут* (в частности, интересен пример (20), демонстрирующий изменения в частотности номинаций одежды с течением времени):

(19) *В детстве мы называли это «джут», но уже давно этого ни от кого не слышала.*

(20) *Этот предмет одежды был в тренде совсем недавно (год-два назад), и вместе с этой тенденцией в обиход вошло слово «джут». До этого все называли (да и сейчас называют) его джинсовкой.*

Интерес представляют эксплицитные обозначения различий между конкурирующими вариантами. Так, в поле для комментариев респонденты разграничивали лексемы, относящиеся к активному или пассивному словарному запасу. Несколько примеров:

(21) *«Водолазка» понимаю, но не употребляю и нигде не слышу. Только однажды видела это слово в каком-то каталоге.*

(22) *Головку тоже слышал, вилок – только в книгах.*

(23) *Поварешку знаю, но из литературы, черпак и половник равнозначны.*

(24) *Помню свое недоумение, когда в детстве в книгах встречала названия загадочных игр. В жизни слышала только «догонялки». Только сейчас поняла, что это все – названия одного и того же.*

В комментариях эксплицируется и мнение носителей языка о стилистических различиях между вариантами:

(25) *«Стёрку» слышал, но всегда резала слух, «ластик» вроде б больше книжное, вживую в основном стирка/резинка употреблялись.*

(26) *В детстве – стёрка и резинка. сейчас – назову «поофициальнее».*

(27) *Окно, по-моему, более официальное, форточка – более разговорное.*

Анализ комментариев демонстрирует, что территориальные различия в функционировании лексических вариантов являются достаточно осознанными (по крайней мере некоторыми носителями языка), см. примеры (8) и (11) выше. Другие иллюстрации:

(28) *В моём регионе чаще встречаю «гольф».*

(29) *у части знакомых наоборот, из-за белорусского «пад гару» – вверх.*

(30) *«Холодец» – в России. «Холодное» – здесь.*

(31) *Паска – только так называют на Полесье (Зап. Беларусь).*

(32) *В Лиде всегда были либо «бэрак-бэрак, дай цукерак», либо «вада». Еще слышала вариант «вода» в пинских краях.*

(33) *Вдруг будет любопытно ещё такое: Опытным путём на работе выяснили, что в Могилеве активно используется слово «симулять» в значении пропускать пары/уроки и в Минске так не говорят. те, у кого интересовались (около 10 человек) совсем не знают это слово. <...>*

Интерес представляет комментарий (34), демонстрирующий денотативные различия локально маркированных и не маркированных лексем, основанные на оппозиции «свое» vs. «чужое»:

(34) *холодное, если домашнего приготовления; из магазина – холодец :-)*

С категорией «свое» связан и эмоциональный заряд регионализмов: они наполняются ассоциациями с семьей, домом и т.п.:

(35) *Когда жила в Брянске, мы всегда праздновали Пасху в деревне (Мглинский район) у бабушки. И в обиходе у взрослых было именно слово «паска» (именно с «к»)³. Но сейчас чаще использую слово «кулич», хотя «паска» – приятнее, потому что ностальгия :)*

Впрочем, говорящие могут выражать и другое эмоциональное отношение к лексемам ограниченного употребления:

(36) *почему-то терпеть не могу слово «джут», с детства ещё. прям огорчает, когда так говорят*

(37) *Гулька – мной используется как шуточное выражение, в основном.*

³ Пример демонстрирует то, что слово *паска* не ограничивается территорией Беларуси. По данным форума «Языки русских городов», вариант также характерен для Украины, Молдовы, Южной России и других регионов [21].

Кроме того, необходимо отметить, что социолингвистические опросы могут влиять на респондентов, в частности, влиять на их метаязыковое сознание. Это, в частности, объясняется тем, что при заполнении опросников люди задумываются о том, как они употребляют те или иные слова, см. один из комментариев:

(38) *Очень интересно, посмотрела на свою речь немного со стороны. Результаты очень интересно было бы узнать.*

Закключение. Таким образом, экспериментальное исследование позволило получить новую информацию о вариативности в белорусской разновидности русского языка, в частности, о функционировании единиц, характерных для данного идиома.

Белорусизмы имеют различный вес в коммуникации по сравнению с их локально не маркированными аналогами. Анализ экспериментальных данных позволил выявить процент локально специфических вариантов в ономаσιологическом профиле. В конкурентной борьбе участвуют как «сильные» варианты, которые являются основным обозначением объекта действительности (*закатки*, *шүфлядка* / *шүфляда* или *черпак*), и «слабые» варианты, которые редко выбирались респондентами (например, *берик* / *бэрак* / *бэрки* ‘детская игра’).

Белорусская разновидность русского языка считается достаточно гомогенной в территориальном отношении, однако экспериментальное исследование позволило уточнить данные об особенностях регионального распределения отдельных лексических вариантов. Например, мы установили регионы Беларуси, в которых превалирует вариант *стёрка* или *стирка*, а также ареал функционирования номинаций детской игры типа *бэрак*, *квач* и *кич*.

Сопоставление ономаσιологических профилей респондентов, относящихся к различным возрастным группам, позволило получить информацию о динамике развития белорусского русского. Так, частотность некоторых вариантов, специфических для Беларуси, падает с уменьшением возраста респондентов. Примеры «угасающих» единиц – *штрюксы* ‘вельветовые брюки’ (увеличивается процент описательного обозначения *вельветовые брюки* / *штаны*) и *гольф* (растет удельный вес универсального варианта *водолазка*) и др. И наоборот, есть истории о словах со «счастливой судьбой»: удельный вес некоторых вариантов в ономаσιологическом профиле растет с уменьшением возраста. Это, в частности, касается одного из наиболее салиентных маркеров белорусского русского – слова *шүфлядка*.

Однако язык – это не только инвентарь лингвистических единиц. Для современной социолингвистики исключительно важным является исследование социальной значимости языковой вариативности. Поэтому в работе мы не ограничились анализом количественных данных, а исследовали и интроспективные комментарии респондентов, в которых отражается функциональная нагрузка вариантов и отношение носителей идиома к лексическим единицам. Кроме того, анализ комментариев подтвердил выводы, полученные в ходе количественного исследования, о региональных ограничениях на использование слов и тенденцию к выходу отдельных единиц из обихода. Необходимо отметить, что опросники являются не только инструментом для сбора данных, но и одним из способов коммуникации исследователя с членами общества, см. следующий комментарий нашего респондента:

(39) *Спасибо за интересный опрос! Чувствую себя услышанной :)*

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский язык в Белоруссии / Под ред. А. Е. Михневича. – Минск : Наука и техника, 1985. – 272 с.
2. Норман, Б. Ю. Русский язык в Беларуси: особенности социолингвистической ситуации / Б. Ю. Норман // *Humaniora: lingua russica. Развитие и вариативность языка в современном мире.* – Тарту, 2010. – С. 175–192. (Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII).
3. Горицкая, О. С. Лексические особенности русского языка в Беларуси не связанные с влиянием белорусского языка / О. С. Горицкая // *Respectus Philologicus.* – 2018. – № 34 (39). – С. 48–60.
4. Boberg, C. Surveys: the use of written questionnaires in sociolinguistics / C. Boberg // *Data collection in sociolinguistics: methods and applications* / Ed. by C. Mallinson, B. Childs, G. van Herk. – New York : Routledge, 2013. – P. 131–141.
5. Schilling, N. Surveys and interviews / N. Schilling // *Research methods in linguistics* / Ed. by R. J. Podesva, D. Sharma. – Cambridge : Cambridge University Press, 2014. – P. 96–113.
6. Иомдин, Б. Л. Наивные представления о значениях слов в русском языке / Б. Л. Иомдин // *Антопологический форум.* – 2014. – № 21. – С. 82–92.
7. Vaux, B. The Cambridge online survey of world Englishes [Electronic resource] / B. Vaux, M. L. Jøhndal; University of Cambridge. – Mode of access: <http://survey.johndal.com/results>. – Date of access: 01.11.2019.
8. Geeraerts, D. Lexical variation in space / D. Geeraerts // *Language in space. An international handbook of linguistic variation.* – Vol. 1: Theories and methods / Ed. by P. Auer, P. Schmidt. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2010. – P. 821–837.
9. Levin, I. Lexical Variation: Word knowledge and polysemy in Russian everyday life lexicon [Electronic resource] / I. Levin, V. Andriyanets, B. Iomdin, A. Ambartsumian // *Computational linguistics and intellectual technologies : proceedings of the International Conference «Dialogue 2018», Moscow, May 30 – June*

- 2, 2018. – Vol. 1. – P. 414–423. – Mode of access: <http://www.dialog-21.ru/media/4313/levini.pdf>. – Date of access: 02.05.2019.
10. Иомдин, Б. Л. Материалы к словарю-тезаурусу бытовой терминологии. СВИТЕР: образец словарной статьи / Б. Л. Иомдин // Слово и язык : сб. ст. к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. – М. : Языки славянских культур, 2011. – С. 392–406.
  11. Стирка : проект статьи / Языки русских городов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forum.lingvolive.com/thread/1150407>. – Дата доступа: 10.10.2019.
  12. Романий, Г. И. Региональные городские названия детской игры с мячом «смейка» («семья») (по наблюдениям узуса в Интернете) [Электронный ресурс] / Г. И. Романий // Шаги / Steps. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 205–225. – Режим доступа: http://shagi.ranepa.ru/files/shagi15_2/shagi15_2_10.pdf. – Дата доступа: 02.05.2019.
  13. Muhr, R. The state of the art of research on pluricentric languages: Where we were and where we are now / R. Muhr // Pluricentric languages and non-dominant varieties worldwide / ed. by R. Muhr. – P. I: Pluricentric languages across continents. Features and usage / In collaboration with K.E. Fonyuy, Z. Ibrahim and C. Miller. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2016. – P. 13–36.
  14. Лабов, У. О механизме языковых изменений / У. Лабов // Новое в лингвистике. – Вып. VII: Социолингвистика. – М. : Прогресс, 1975. – С. 320–335.
  15. Русский язык и советское общество : социол.-лингвист. исследование / под ред. М. В. Панова. – М.: Наука, 1968. – 186 с. (Лексика современного русского литературного языка).
  16. Беликов, В. И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии / В. И. Беликов // Русский язык сегодня / Под ред. Л. П. Крысина. – М., 2004. – Вып. 3: Проблемы русской лексикографии. – С. 23–38.
  17. Беликов, В. И. «Антошка, Антошка, пойдем садить картошку...», или везде ли просторечие просторечно / В. И. Беликов // Вопросы культуры речи. – Вып. XI / отв. ред. А.Д. Шмелев. – М. : АСТ-Пресс Москва, 2012. – С. 296–312.
  18. Иомдин, Б. С горки на горку [Электронный ресурс] / Б. Иомдин // Элементы – 09.09.2019. – Режим доступа: https://elementy.ru/problems/2154/S_gorki_na_gorku. – Дата доступа: 10.12.2019.
  19. Манаенкава, А. Ф. Аб некаторых спецыфічных з’явах руска-беларускіх моўных кантактаў у галіне лексікі і семантыкі / А. Ф. Манаенкава // Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў / Рэд. М. В. Бірыла, А. Я. Супрун. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – С. 229–262.
  20. Голев, Н. Д. Особенности современного обывденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства / Н. Д. Голев // Вестн. Томс. гос. ун-та. Филология. – 2008. – № 3(4). – С. 5–17.
  21. Пасха : проект статьи / Языки русских городов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forum.lingvolive.com/thread/153833>. – Дата доступа: 10.10.2019.

Поступила 13.12.2019

COMPETITION OF LEXICAL VARIANTS IN BELARUSIAN RUSSIAN (BASED ON EXPERIMENTAL DATA)

O. GORITSKAYA

The objective of the study is to reveal patterns in the use of lexical variants in Belarusian Russian. The research is based on the responses to the online questionnaire concerning the names of 20 objects and other phenomena (about 1350 respondents). Quantitative analysis shows that the percentage of country-specific variants in onomasiological profiles varies: some words are often used to name particular objects (so-called strong variants) while others are mentioned only occasionally (so-called weak variants). The study reveals several lexical variants typical of one area of the country, but in general, it supports the idea that Belarusian Russian is rather geographically homogeneous. The comparative study of onomasiological profiles of different age groups demonstrates lexical change. The qualitative analysis of comments confirms and complements the results of quantitative analysis regarding peculiarities of usage of variants, associated with certain region, age, style of communication and other factors. Sociolinguistic surveys are considered not only as sources of data, but also as a way to interact with the society.

Keywords: *lexical variation, competition of variants, Belarusian Russian, sociolinguistic survey, sociolinguistic questionnaire.*